

Как психологу «присутствовать» в переживании одиночества ребенком, оставшимся без попечения родителей?

Проблема сиротства является одной из значимых в социально-психологическом контексте исторических событий последних лет. Безусловно, тема сиротства сложна и многомерна, в ней может быть выявлено немалое число проблем, ассоциированное с несколькими областями научного осмысления, в том числе и в первую очередь с внутренней картиной мира личности ребенка, оставшегося без попечения родителей. Вопрос особенностей переживания одиночества детьми с опытом покинутости и оставленности остается актуальным на протяжении многих лет, хотя феноменология опыта может меняться в зависимости от социальной ситуации возникновения чувства одиночества при оставленности или без такового. Целью данного текста является концептуализация подхода к процессу психологического консультирования в отношении детей, оставшихся без попечения родителей, а также в построении и применении модели «присутствия», разработанной Дж. Бьюдженталем в контексте работы психолога с проблемой одиночества.

В своих трудах экзистенциально-гуманистический психотерапевт Ирвин Ялом выделяет 3 типа изоляции, отмечая изоляцию межличностную, внутриличностную, экзистенциальную. Автор предполагает, что в жизни человек сталкивается с рядом экзистенциальных данностей: свобода, бессмысленность, конечность и изоляция. С позиции экзистенциально-гуманистического взгляда на процесс психологического консультирования, за психологическими дистрессами людей находятся глубинные проблемы и трудности экзистенциального характера [2].

В работе с детьми, родители которых были лишены родительских прав, мы смотрим в сторону глубинного переживания изоляции и одиночества на фоне болезненного опыта покинутости и оставленности. Предполагается, что лишь в истинном ощущении «присутствия» в своей собственной жизни

человек осознает те стороны личностного бытия, которые создают ему трудности, приводят к состоянию общей неудовлетворенности. В консультативной практике психолог отслеживает и анализирует свое собственное «присутствие» для продвижения внутри сессии психологического консультирования. Пока для самого клиента уровень истинного «присутствия» в своей жизни недоступен, психолог обладает возможностью на этот феномен клиенту указать.

В работе с детьми, оставшимися без попечения родителей, концепция присутствия приобретает витальную функцию. Ребенок, проживая свою жизнь в ощущении одиночества, страха и тревоги изоляции, приобретает опыт общения с терапевтом, обладающим способностью выдерживать и присутствовать в переживании той боли, о которой ребенок повествует на вербальном или невербальном уровне. Такая «терапия отношениями» наделяется особой степенью целительности и очень важна в работе с детьми с тяжелым анамнезом. Концепция «присутствия» Д. Бьюджентала предполагает пять уровней присутствия, которые выделяет автор в своей работе «Искусство психотерапевта». Автор концептуализирует «присутствие» 5 основными уровнями: формальная общение (первая сессия), поддержание контакта (вводный этап терапии, проявление сопротивления в консультативном процессе), стандартные отношения (сбор анамнеза, сопротивление приобретает редуцированный характер), критические обстоятельства (искренние отношения, идеальная работа), интимность (особо яркие и, так называемые, пиковые моменты в консультационном процессе) [1]. Наименования уровней могут вызывать разные коннотации и возражения, но их суть ясна – движение к большему доверию и аутентичности внутри сессий. Наша идея может заключаться в том, что для реализации терапевтической помощи детям, оставшимся без попечения, мало актуализировать «присутствие» психолога в виде перехода на уровень «интимности» в сессии, хотя это требует огромного доверия со стороны ребенка и еще большей ответственности психолога. Возможно не менее важно стать «фигурой

присутствия», на которую можно опереться, вне сессии и вне реального контакта – во внутренней картине мира людей приобрести ребенку собеседника этого уровня, отвечающего внутренней потребности доверить себя и свои переживания кому-то взрослому. Этот переход из внешнего присутствия во внутреннее присутствие и опору может быть маркирован определенными вербальными конструктами, которые мы предполагаем реконструировать в ходе дальнейшего исследования.

Таким образом, мы думаем о том, что экзистенциально-гуманистическая модель «присутствия» может быть использована в отношении работы с детьми, оставшимися без попечения родителей, а также с сопутствующим переживанием ими одиночества и изолированности.

Применение модели

К1: У меня есть друг. Он был в гостях у своего дяди. И дядя там так много выпил, что мой друг сейчас ходит с большой суммой в кармане. В общем, его дядя так напился, что он моему другу дал много денег, а он воспользовался этим шансом. Я бы так никогда не поступил, не взял бы эти деньги. Ведь дядя не понимал, что он делает.

Т1: Знаешь, это может быть не на поверхности. И я не говорю, что это так и есть. Это всего лишь моя гипотеза. Ты говоришь, что он воспользовался вот этим шансом, и затем говоришь «я бы так не поступил». И про любую другую ситуацию, где кто-то другой неправ. Как так получается, что всю эту несправедливость ты будто перенимаешь на себя?

К2: Ну, я не знаю. А что такое гипотеза? Я просто вспомнил передачу по телевизору в детском доме. Там человек что-то рассуждал, говорил что-то про сражения. Там говорили про гипотезу, и я вспомнил.

Т2: Когда я сказал слово «гипотеза», ты вспомнил как в детском доме смотрел передачу по телевизору. Как это было?

К2: Да, в детском доме я смотрел эту передачу на телевизоре. Я смотрел, было интересно просто слушать, смотреть на картинки интересные. Мне было 12 лет.

Т3: Как ты себя чувствовал тогда в 12 лет?

К3: Нормально. Только били. Ну только били, много. За каждый тупой косяк. Только за косяки своего родственника сколько били.

Т4: Ты страдал по вине другого.

К4: Да, я в детском доме страдал. Когда родственник в тюрьму сел, я все равно страдал. Меня когда видели, сразу говорили, о, Николаев. Не как какого-то известного звали, а как плохого, преступника.

Обсуждение

Описанный фрагмент сессии психологического консультирования демонстрирует то, каким образом экзистенциально-гуманистическая модель «присутствия» позволяет психологу «быть с» ребенком, оставшимся без попечения родителей. в болезненных переживаниях и повторном проживании травматического опыта одиночества.

Представленный случай сессии психологического консультирования указывает на следующую динамику присутствия психолога в работе с ребенком, оставшимся без попечения родителей, переживающим одиночество:

К1 – уровень «стандартных отношений». Клиент достаточно открыто и искренне делится жизненным эпизодом, который, очевидно, вызывает много чувств. Осознавая это, психолог / терапевт (Т) может пойти несколькими путями. Прояснение чувств позволит углубить переживание чувств клиентом в рамках приведенного примера. Отражение повторения позволяет психологу указать клиенту на паттерн поведения, что, в свою очередь, может привести к глубинной рефлексии и осмыслению того, как клиент выбирает проживать свою жизнь. Терапевт выбирает второй путь.

К2 – услышанное слово терапевта пробуждает травматическое воспоминание, в результате чего клиент вместе с терапевтом опускается на уровень «критических обстоятельств». Думать о переходе на данный уровень «присутствия» психологу позволяет искренность и чувственная наполненность клиента, где последний позволяет терапевту прикоснуться к той боли, которую когда-то переживал сам, которую, возможно, продолжает переживать в «здесь и сейчас».

К3 и К4 – переход с уровня «критических обстоятельств» на уровень «интимности». Реплики клиента представлены в виде особо ярких и пиковых переживаний, с которыми клиент сталкивался во время пребывания в детском доме. В «присутствии» с ребенком терапевт имеет возможность почувствовать интенсивность болезненных чувств, страх и переживаемое ребенком одиночество, когда он столкнулся с жестокостью в отношении себя со стороны других детей.

Таким образом, анализ «присутствия» психолога в переживании одиночества ребенком, оставшимся без попечения родителей, позволяет качественно осознавать и продвигать работу в контексте сессии психологического консультирования к «присутствию защитной фигуры» вне сессии. Маркеры-фразы этого фазового перехода предстоит выявить и возможно их постепенно вводить в сессии как возможные нейтральные конструкты «как могло бы быть».

[1] Бьюдженталь Дж. Искусство психотерапевта. СПб.: Питер, 2001. - 304 с.

[2] Ялом, И. Экзистенциальная психотерапия [Текст] / И. Ялом / пер. с англ. Т.С. Драпкиной. М.: Независимая фирма «Класс», 2005. 576 с.

*Б.О. Вайдерман,
магистрант НИУ ВШЭ
А.В. Торопова,
профессор НИУ ВШЭ*